
СОФIА
ПАРНОК
РОЗЫ ПIЕРIИ

СОФИЯ ПАРНОК

РОЗЫ ПИЕРИИ

АНТОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХИ

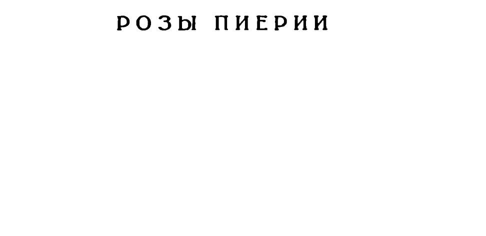

МОСКВА—ПЕТРОГРАД

MCMXXII

Настоящее издание отпечатано в 16-й типографии М. С. Н. Х. (бывш. Левенсон) в августе 1922 г., в количестве 8000 экземпляров.

Р. Ц. Москва. № 1474

РОЗЫ ПИЕРИИ

Цвет вдохновения! Розы Пиерии!
Сафо, сестра моя! Духов роднит
Через столетия — единоверие.
Пусть собирали мы в разные дни
Наши кошницы, — те же они,
Нас обольстившие розы Пиерии!

ЛИРА.

Первая лира, поэт, создана первоприхотью бога:
Из колыбели — на луг, и к черепахе — прыжок;
Панцырь прозрачный ее шаловливый срывает младенец,
Гибкие ветви сама ива склоняет к нему;
Вот изогнулись они над щитом полукружием плавным,
Вот уже струны Гермес сладостные натянул;
С первою лирой в руках он тайком пробирается к гроту,
Прячет игрушку, а сам, новой рассеян игрой,
Вихреподобный полет устремляет к Пиерии дальней,
Где в первозданной тени Музы ведут хоровод, —
В сад Пиерийский, куда, ты, десятою музою, Сафо,
Через столетья придешь вечные розы срывать.

Розы Пиерии
Лень тебе собирать.

Сафо.

Срок настал. Что несешь
Грозным богам,
Жнец нерадивый?

Выдаст колос пустой,
Как же ты был
Беден слезами.

Розы скажут, — для нас
Он пожалел
Капельку крови.

Боги, только вздохнут,
Вот уже — прах
Вся твоя жатва.

Эолийской лиры лишь песнь заслышу,
Загораюсь я, не иду — танцую,
Переимчив голос, рука проворна, —
Музыка в жилах.

Не перо пытаю, я струны строю,
Вдохновенною занята заботой:
Отпустить на волю, из сердца вылить
Струнные звоны.

Не забыла, видно, я в этой жизни
Незабвенных нег незабвенных песен,
Что певали древле мои подруги
В школе у Сафо.

Всю меня обвил воспоминаний хмель,
Говорю, от счастия слабея:
«Лесбос! Песнопенья колыбель
На последней пристани Орфея!»

Дивной жадностью душа была жадна,
Музам не давали мы досуга.
В том краю была я не одна,
О, великолепная подруга!

Под рукой моей, окрепшей не вполне,
Ты прощала лиры звук неполный,
Ты, чье имя томное во мне,
Как луна, притягивает волны.

СНЫ САФО

Рассказала свой сон
Сафо Киприде.

Сафо.

I

Снилось мне, — взываю к подругам милым:
«Долго-ль бегать мне? Баловницы, где вы?»
И напрасным криком бужу я только
Сонное эхо.

А в златых сандальях заря восходит,
Но не наше там розовеет море,
И земля другая кругом в росе дымится, —
Где-же ты, Сафо?

В благовоньи трав незнакомый привкус
Горькой сладости. На лугах родимых
Ни анис, ни роза, ни медуница
Так не дышали.

Я ступаю тяжко, как будто стола
Мягкоструйная — не по мне, и лира,
Лира — щит мой верный — томит мне руку
Тяжестью новой...

И к ручью склоняюсь — о, злое чудо! —
В ясном зеркале отраженным ликом
И разгневана и любуюсь, плача, —
Кто-же там, Сафо?

Вспомнит со временем
Кто-нибудь, верь, и нас.

Сафо.

II.

«Вспомнит со временем кто-нибудь, верь, и нас»...
Вымолвила, — и на перси к подруге сникла;
Сон-ли — объял меня странный, но вот вокруг
Все оживилось: над ложем моим, над лирой
Стрекот, жужжанье, как-будто пчелиный рой
В струнах запутался, или трещат цикады.
«Сафо!» я слышу — на все голоса мое
Суетно перепевается имя — «Сафо!..»
Вижу: снуют озабоченно, взад-вперед,
С лиры — на ложе и с ложа — на лиру, мыши.
Что́ им до Сафо?.. И вдруг озарилось все
(Те и не видели!) — Ты предо мной, Киприда!
Твой улыбается мне несказанный лик.
Голос божественный: «Вот она слава, Сафо:
Спорят, кому твои вечные — хмель богов! —
Песни любовные — юношам, или девам?»

И впрямь прекрасен, юноша стройный, ты:
Два синих солнца под бахромой ресниц,
И кудри темноструйным вихрем,
Лавра славней, нежный лик венчают.

Адонис сам предшественник юный мой!
Ты начал кубок, ныне врученный мне,—
К устам любимой приникая,
Мыслью себя веселю печальной:

Не ты, о, юный, расколдовал ее.
Дивясь на пламень этих любовных уст,
О, первый, не твое ревниво,—
Имя мое помянет любовник.

Слишком туго были зажаты губы,
— Проскользнуть откуда могло-бы слово? —
Но меня позвал голос твой — я слышу —
Именем нежным.

А когда, так близки и снова чужды,
Возвращались мы, над Москвой полночной
С побережий дальних промчался ветер, —
Морем подуло...

Ветер, ветер с моря, один мой мститель
Прилетит опять, чтобы ты, тоскуя,
Вспомнил час, когда я твое губами
Слушала сердце.

Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою.

Сафо.

«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою» —
Ах, одностишья стрелой Сафо пронзила меня!
Ночью задумалась я над курчавой головкою,
Нежностью матери страсть в бешеном сердце сменя, —
«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою».

Вспомнилось, как поцелуй отстранила уловкою,
Вспомнились эти глаза с невероятным зрачком...
В дом мой вступила ты, счастлива мной, как обновкою:
Поясом, пригоршней бус или цветным башмачком, —
«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою».

Но под ударом любви ты — что золото ковкое!
Я наклонилась к лицу, бледному в страстной тени,
Где словно смерть провела снеговою пуховкою...
Благодарю и за то, сладостная, что в те дни
«Девочкой маленькой ты мне предстала неловкою».

На персях подруги усни.
На персях усни сладострастных.

Сафо.

Ты дремлешь, подруга моя,
— Дитя на груди материнской! —
Как сладко: тебе — засыпать,
А мне пробудиться не мочь,

Затем, что не сон-ли, скажи,
И это блаженное ложе,
И сумрак певучий, и ты,
И ты в моих тихих руках?

О, ласковые завитки
На влажном виске!.. О, фиалки!
Такие, бывало, цвели
У нас на родимых лугах.

Венки мы свивали с тобой,
А там, где венки, там и песни,
Где песни — там неги... Ты спишь,
Последний мой, сладостный сон?..

Плыви надо мною, плыви,
Мое Эолийское небо,
Пылай, мой последний закат,
Доигрывай, древний мой хмель!

Так на других берегах, у другого певучего моря,
Тысячелетья спустя, юной такой-же весной,
Древнее детство свое Эолийское припоминая,
Дева в задумчивый день перебирала струну.

Ветром из-за моря к ней доструилось дыханье Эллады,
Ветер, неявный другим, сердце ее шевелит:
Чудится деве — она домечтает мечты твои, Сафо,
Недозвучавшие к нам песни твои допоет.

ПЕНФЕСИЛЕЯ

Триптих

I

ВЫЗОВ

Сердце на лад сладострастный не строю,
Томную лиру разбила в щепья,—
Время мне петь роковую Трою,
Битвы смертельной великолепье.

Был и пребудешь навек иноверцем
(Бог твой мужской злых Эриний злее!),
И суждено с обагренным сердцем
Падать в сраженьи Пенфесилее.

Друг перед другом мы снова предстали.
Тупо копье твое? Меч не звонок?
Иль не почетна на бранной стали
Неукротимая кровь амазонок?

II

ПОЕДИНОК

На вызов дерзкий единый ответ — копье!
Метнул, но первый не рассчитал удар:
Отпрянуло от звонкой меди,
Не проломав боевых доспехов.

Сверкнуло снова. Ветер пресек полет, —
Летит и снова не долетела смерть...
В герое неуспех нежданный
Лишь горячит вековую ярость.

И в третий раз безумный метнул копье.
От сердца дева тихо отводит щит, —
Он видит: острие лихое
В латы вошло роковой занозой.

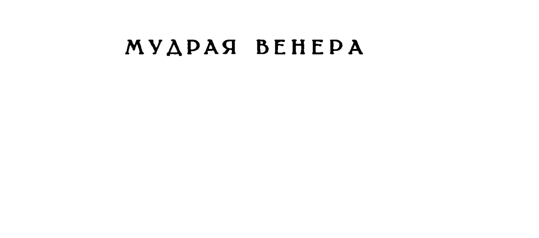
III

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Не копьем смертельным,—нетленной розой
Я вооруженная вышла в битву.
Древле по иному моя праматерь
Шла на Ахилла.

Тот-же он в убийственном ратоборстве,—
Ненавистлив сердцем, а я тоскую:
Ненависти древней до этой жизни
Не донесла я...

Тихо возвращается с поля брани
И клянет воительниц злую долю,
Руки прижимает к груди,—и плачет
Пенфесилея.

МУДРАЯ ВЕНЕРА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Если узнаешь, что ты другом упрямым отринут,
Если узнаешь, что лук Эроса не был тугим,
Что нецелованный рот не твоим лобзаньем раздвинут,
И, несговорчив с тобой, алый уступчив с другим,

Если в пустыню сады преобразила утрата,—
Пальцем рассеянным все-ж лирные струны задень:
В горести вспомни, поэт, ты слова латинского брата:
«Все-же промчится скорей песней обманутый день».

I

Гибели не призывай: нелюбезна богам безнадежность.
Юноша мой! Встрепенись. Мудрой Венере внемли. —
Друга милее иным, несговорчивым девам — подруга.
Женской рукой отопрешь то, что закрыто тебе.

Поясом тесным стяни — гордость мужа — могучие чресла,
Змейным запястьем завей выпуклость славную мышц.
Долго-б Ахилл пребывал между дев Ионийских, не узнан,
Если-б при виде копья в нем не проснулся герой.

Да не зажжется твой взор при знакомом воинственном кличе, —
Только приметой одной выдать себя не страшись:
Перед суровой твоей не утаивай томного вздоха, —
Не на мужские сердца стрелы ей точит Эрот.

II

Не всегда под ветром пылает ярче,
О, мой друг, подчас потухает факел.
Не всегда волна кораблям попутней
Тихого моря.

Ты торопишь негу, нетерпеливец,
Укоряешь деву в ленивой страсти, —
Иль забыл, что многим милее молний
Медленный пламень?

Не того дарит дивной песней лира,
Чья рука безумно цепляет струны, —
Много правил есть (вот одно — запомни!)
В нежной науке:

С плавных плеч сползая лобзаньем длинным,
Не спеши туда, где в дремотной лени
Две голубки белых, два милых чуда,
Сладостно дышат.

III

«Где его стрелы, — спроси у стрелка своего, о, богиня!
Пуст Купидонов колчан: все они в сердце моем!
Он не сберег ни одной для надменной моей Гермионы, —
Тщетно у милых колен слезы любовные лью.

Хищников лютых Орфей укрощает своим песнопеньем,—
Женское сердце, клянусь, сердца звериного злей:
Тщетно кифара моя ей поет самым сладостным звуком...
Непобедимую как мне победить? Научи»...

— Вспомни: дождем золотым Громовержец сошел на Данаю...
Все я сказала тебе. Если понятлив, поймешь.

IV

Зеркало держит Эрот перед ней, и в стекле его хрупком
Вечное золото кос, вечное небо очей.
А на ковре, у колен, у разымчивых этих и сильных,
В руки лицо уронив, скорбная дева сидит.
«Горе мне! Горе мне! Где, где ночей моих гордая хладность?
— Что с ней? — подруги вокруг шепчут, лукаво смеясь.
Только и было, что раз — это под вечер было, у храма —
Мимоидя, на меня ветренник этот взглянул.
Только и было всего... Да еще, в состязании лирном...
Слышу, — подруги ко мне: «Твой, Мнаседика, черед».
Вышла, и к струнам едва я певучей рукой прикоснулась,
Как раскалились они: он в этот миг подходил.
Глаз не спуская с меня, затемняемых мраком желанья,
Розу поднес он зачем смуглую к самым губам?
Как я запела? О чем? О, соперница — роза! О, губы!
Сафо нахмурила бровь. Чтó мне до гнева ее!
О, как, должно быть, жесток этот рот и горячий и влажный...
Разум во мне помути! Дай мне его позабыть!
Жжет меня ложе в ночи. Лишь глаза я закрою, я вижу
Губы и розу, и вновь розу и губы его...
Что же мне делать, скажи, чтобы их, неотвязных, не видеть?»

— Мудрая словом одним ей отвечает: «Целуй».

V

—«Аттида, стебель нежный из дальних Сард,
С проворной Геро вместе не ходят в храм, —
Презрев обычай твой, богиня,
Дразнят мужей красотой напрасной.

Гостит в приюте их беззаконных нег
Стрелок, забывший службу стрелка и честь.
Богиня, отзови Эрота!
Долго ль терпеть? Накажи отступниц».

— Караю карой страшной: Припав к краям
Бездонной чаши, до смерти будут пить,
Крича от жажды. Утоленья
Не было, нет им и век не будет!

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Стр.

I. РОЗЫ ПИЕРИИ.

II. ПЕНФЕСИЛЕЯ.

III. МУДРАЯ ВЕНЕРА.

КНИГИ СОФИИ ПАРНОК:

«Стихотворения». Книга 1-я 1916 г. Петроград. (Распродано.)

«Мед столетний», 2-я книга стихов, Москва, Госиздат. (Печатается.)

«Сверстники». Письма о русской поэзии. (Готовится.)

«Лоза». 4-ая книга стихов. (Готовится.)

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «ТВОРЧЕСТВО»
Москва, Трехпрудный пер., 5/15, тел. 1-65-10.